

В павильоне так холодно, что понимаешь: в XIV веке с отоплением было худо. Хотя на павильон не похоже. Дом не дом, скорее каменная нора. Низкие своды. Живой огонь. Темновато.

Вспоминаю, у Стругацких: «В темноте мы во власти призраков». Люди спуют то ли в доспехах, то ли в тряпье, перья с потолка падают, кружась, будто снежная крупа. У людей почерневшие лица, даже не лица — страшноватые рожи, словно ожившие персонажи bestiaria Босха. Раскачиваются подвешенные чучела подстреленных волков, сушеная рыба. Кругом веревки, канаты, цепи.

Все пространство тесное, словно скованное невидимыми кандалами. В кадр входит новоявленный властитель Рэба, толстая в рясе, обсыпанный цветами, похожими на розы. Сегодня этот бледный гриб — лицо, как блин, «цепкий беспощадный гений посредственности» — чувствует себя победителем, отчего мерзко посмеивается, трясая жидкими длинными волосенками. «Там, где торжествует сурость, к власти приходят черные». Нюхает смертоносную стрелу, почесывается ею, не красиво втягивает воздух. Входит главный герой Румата с лицом Леонида Ярмольника.

Это сцена краха его собственных представлений и перспектив. Ярмольник непривычно тих, сосредоточен, даже сумрачен. И вовсе не походит на инопланетянина. Тут же мальчик с измазанными, расцарапанны-

ми руками, разбитыми костяшками пальцев и ногтями с вросшей грязью оседлал слугу, запряг вместо лошади и скачет на нем, размахивая куклой из железа. Страшновато. И отчего-то смешно. И снова страшно.

«Не меняй крупность. Энергетика уходит», — обращается к оператору режиссер. Опытный оператор Владимир Ильин пытается спорить: «Смотрите, общий кадр лучше, и собака в кадр войдет». Бесполезно. «Не надо собаку!» «Ну вот теперь, мне кажется, все стало слишком общим. Скудным. И мальчик въехал как-то нехорошо. Почему у мальчика руки такие чистые? Сделайте ему руки и лицо еще грязнее, и плечо... надо ему «выжечь»...». Оператору: «Какое ты видишь плечо. Левое? Вот левое и «жгите». Что мешает оператору? Та большая балка? Ну так пилите ее»...

Раздается звонок. Герману торжественно подносят трубку. Судя по всему, звонит серьезный человек из начальников с намерением обрадовать Алексея Юрьевича. А.Ю. поблагодарил, но ответил, что подумает. «Ну как награда?» — спросила я на следующий день. «Бог с ней, с наградой, — сказал Герман. — Это ведь Союз кинематографистов, из которого мы со Светланой ушли. Понимаешь, мы оказались из разных дворов, с разных улиц. Мы их не понимаем и не любим. А они — нас. Некоторых совсем презираем. Зачем тогда? Я и отказался».

Герман в студийной комнате греет руки о чашку с чаем...

Архив «Новой»

Мастер — в XIV веке

Алексей ГЕРМАН:

У общества нет потребности в хорошей работе

Настоящее искусство живет не на фестивалях, а там, где создается.

На «Ленфильме» Алексей Герман продолжает съемки фильма по роману Стругацких «Трудно быть богом». Предлагаем вам побыть рядом с ним

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Мне интересно воссоздавать ту жизнь. Придуманную. Я старался снять скрытой камерой XIV век на другой планете. Сочинить мир во всех нюансах и подробностях так, чтобы все поверило — это правда. Мы работаем на уровне интуиции...

И с артистами мне менее интересно работать, чем с непрофессионалами. За исключением нескольких человек, не затертых в кино, и главного героя Леонида Ярмольника. Я его увидел не в кино.

— Не может быть. — Клянусь. Я по телевизору увидел парня, который вел какую-то игру. Такой носатый, обаятельный, с венациональной внешностью. То, что нужно для Руматы. И попросил его пригласить. Я просто не знал, что Леонид Исаакович — известный и популярный артист. Тогда я редко смотрел кино, и в основном — только молодых режиссеров.

Как нам кажется, сейчас трудно. Трудно по одной причине: у общества нет потребности в хорошей работе. Иногда невыносимо смотреть, что творит хороший актер или актриса в сериале или еще страшнее — в классике.

Мы очень полюбили Юру Дурило — как личность, как артиста. И, уверяю, от него можно добиться многого. Но вот недавно увидел какой-то фрагмент с ним. «Юра, — говорю ему, — мы же уже с тобой все прошли. Не надо говорить громче, чем партнер. Говори всегда в два раза тише». — «А они требуют». — «А ты откажись». — «А они не будут снимать». — «А ты посиди немножко победнее...». Все то, что у нас запрещалось как антихудожествен-

«Я не знал, что Леонид Ярмольник — известный и популярный артист»

ное, авторы сериалов считают художественным достижением, что ли? И откуда столько помоечников в талантливой стране. Мало кто не снимает у нас на «Ленфильме» сериалы. Самый глупый человек (как говорят, есть еще один такой в Уганде) вообще никогда и не был режиссером, был организатором производства — тоже снимает. Что может из этого получиться?

— А вы не опасаетесь... Помните у Набокова: вошел актер с лицом, перещупанным ролями. Вот и Леонид Ярмольник много снимается в эти годы. Его лицо общеизвестно. У Руматы же — облик уникала. Человека то ли с той планеты, то ли с этой.

— Не могу же я настаивать, чтобы он за шесть лет больше нигде не снимался. Надеюсь, что роль Руматы получится интересной. Мы ведь с ним в одной сценке. Пока я не ошибался.

то бороться, кого-то оскорбить. Юрий Владимирович был одним из лучших людей своего времени: добрый, благородный, талантливый. Никому вреда причинить не мог, потому что, пройдя войну страшную, людей жалел. Оставили бы в покое немногих людей, достойно проживших жизнь.

— Вы шесть лет снимаете Стругацких...

— Я бы снял быстрее. В чем сложность... Построить павильон. Это стало сложно и дорого. Потому что люди со студии ушли, профессионалов мало. Оружие надо выковать. Много оружия. А все подчистую исчезло со студии. Ни меча, ни кинжалчика. Ничего не спасли.

— Раньше оружие на целую войну можно было взять из студийного «подбора».

— Конечно, у нас же снимал Козинцев «Короля Лира», «Амлет», «Дон Кихота». И — ничего. То же на «Мосфильме». А если одалживать в Че-

«Иногда невыносимо смотреть, что творит хороший актер или актриса в сериале или еще страшнее — в классике»

Да и я уж старый, понимаю: здесь нужно добавить, здесь смикшировать.

Он меня не очень любит. И ладно, чрезмерная любовь артиста мешает. Знаешь, отношения с артистами складываются, что в кино, что в театре, не во время работы. А после — по результату. И потом, то же самое я слышал про Миронова, про Никулина, про Быкова.

Уж как мы во время работы ругались с Роланом Быковым, а Лена Санаева поклялась, что он нас очень любил. Да что там, он один раз к нам жить переехал, но это уже другая история.

— Вы называли актеров выходящих.

— Я актеров боюсь. Говоришь, говоришь, ночь не спишь, придумываешь — а он из правого кармана одно выражение лица достанет, а из левого другое... У хорошего артиста таких выражений десять, у плохого — одно и то фальшивое. А тебе-то нужно только молодость режиссера.

— Я актеров боюсь. Говоришь, говоришь, ночь не спишь, придумываешь — а он из правого кармана одно выражение лица достанет, а из левого другое... У хорошего артиста таких выражений десять, у плохого — одно и то фальшивое. А тебе-то нужно только молодость режиссера.

А Юрий Владимирович Никулин драматическим артистом на самом деле не был. Он был способен перенести на экран силу своей личности и не соврать. Всю войну, начиная с финской, был артиллеристом. Здесь стояли, в блокаде Ленинграда. И вся его батарея весной ослепла. Тогда к каждой огромной пушке приставили одного зрячего. Он их водил, а они, слепые, стреляли из этих огромных пушек.

Мне обидно, что ныне принято порочить имена приличных людей. Второй раз по телевизору про Никулина слышу. То он не пустил в цирк на Цветном комика Попова. То в фильме про Енгибарова рассказывают, как его преследовал Никулин. Нам приятно с кем-

хия или Польше, то они такие деньги сдирают... В общем, все делали в Мухомском училище. Сейчас у нас целый арсенал оружия с другой планеты: сабли, мечи, ножи, арбалеты, доспехи...

— Финал работы виден?

— Я бы все за два месяца закончил, но мне не повезло. Меня избили, довольно сильно. Приехал невропатолог и сказал: «Вам неправильно поставили диагноз, у вас не просто сотрясение, а ушиб мозга. Вот отчего через лицо выступила черная полоса. Вам немедленно в больницу надо. Иначе будете болеть и болеть. Разными вроде бы несвязанными заболеваниями...». А я ложиться не мог, потому что в той же драке сильно попола и моему сыну. Была угроза потери зрения. Потом действительно началось: с легкими, с сердцем. Теперь вообще трудно доснять большую трудную картину. Но и не доснять нельзя...

XIV век, тщательно воссозданный Германом, мне покинуть оказалось много проще, чем Румате. Стоило лишь отворить тяжелую студийную дверь, и я очутился на залитом солнцем проспекте со старинным названием Каменноостровский.

С опаской глядя на пронесшиеся мимо машины — все же я только что прямиком из «прошлого», — я думала: очень нужно, чтобы Герман свою картину завершил. Чтобы Стругацкие оказались правы: «Можно сколько угодно преследовать книжечеев, запрещать науки, уничтожать искусство, но рано или поздно приходится спохватываться и со скрежетом зубным, но открывать дорогу всему, что так ненавистно властолюбивым тупицам и невеждам».

Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

— К Стругацким меня тянуло долгие годы. Когда мы начали снимать — нас закрыли. Другой раз начали — бросили сами. Потом пришел Горбачев. О каком тоталитарном терроре стоило говорить? Нам всем было ясно: через четыре года здесь будет город-сад.

— Неужели вы, прожженный скептик, снявший, может быть, самые горькие картины о взаимоотношениях людей и власти, настолько верили в близкое прекрасное завтра?

— Абсолютно. Но сейчас наше кино вновь ко времени...

— Там уже ближе к финалу есть эпизод... После переворота посланца небес Румату просят дать оружие борцам с темными силами. А он объясняет, что пройдет время, и эти борцы превратятся в таких же властолюбивых феодалов. Появятся новые рабы, и все пойдет по-прежнему. Предсказание сколь ужасающее, столь точное.

— Эта сцена снята. Сценарий построен на том, что в эти же «сети», про которые Румата все понимает, он сам и попадается. То же пророчество коснется самого Руматы. Когда он поднял оружие и начал убивать, вырезал страшное сообщество «Черный орден» — случилось то же самое. Он стал владыкой, королем, императором — не важно, как назвать.

Румата — воин и ученый. Он добр, мудр и справедлив и ничего сделать не может. Обстоятельства все втягивают и втягивают его во владычество. Он пытается добраться до души, пользуясь языком правды, и понимает: освобожденные им же рабы, к его удивлению, забывают его оглоблями. На прощание у него нет сил, и, кроме одиночества, остаются лишь мечты, исполнение которых для него не реально. В победе заключено поражение.

На протяжении всей истории он выискивает и спасает богословов, ученых, философов, чтобы они объяснили ему смысл существования.

Но ничего нового они ему сказать не могут.

«Все то, что у нас запрещалось как антихудожественное, авторы сериалов считают художественным достижением, что ли?»